

УДК 93/94
DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.1.06

А. В. Марчуков

**Социально-этические последствия
немецкой и румынской оккупации
(на примере южных и восточных областей УССР)**

Марчуков Андрей Владиславович
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт российской истории РАН
117292, ул. Дмитрия Ульянова 19, Москва, Российская Федерация
E-mail: marchukov@mail.ru

Цитирование

Марчуков А. В. Социально-этические последствия немецкой и румынской оккупации (на примере южных и восточных областей УССР) // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 128–151. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.1.06

Статья поступила в редакцию 21.07.2022.

Аннотация

В статье повествуется о некоторых социальных и морально-нравственных последствиях пребывания южных и восточных областей УССР под немецко-румынской оккупацией в 1941–1944 гг. Источниковой базой послужили стенограммы бесед, которые в конце 1943 – первой половине 1944 гг. вели сотрудники Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР с жителями Донбасса, Одессы, Мелитополя и др. Это были люди разных возрастов, профессий, социальных групп, пережившие оккупацию или приехавшие в эти местности сразу после их освобождения. Политика немецких и румынских захватчиков и их поведение, помимо прочего, негативным образом повлияли на состояние правовой культуры, преступность, трудовые и семейные отношения, моральное состояние общества. Так, например, резко выросло такое явление, как взяточничество, которое служило, с одной стороны, средством обогащения одних, а с другой – способом выживания в бесчеловечных условиях оккупации других. Огромные масштабы приобрела спекуляция, ставшая подчас единственной возможностью выжить в условиях проводившейся захватчиками социально-экономической политики. Негативным моментом стала протитуция, легализованная оккупантами, и насаждаемые ими

моральное разложение и половая распущенность. Эти и многие другие негативные моменты потребовали от советской власти и самих людей дополнительных усилий по преодолению социально-этических последствий оккупации.

Ключевые слова

Великая Отечественная война, Украина, оккупация.

Оккупация и ее восприятие

Великая Отечественная война принесла нашему народу неисчислимы страдания. Особенно тяжелые испытания выпали на долю тех, кто попал в оккупацию. Врагом были оккупированы огромные территории СССР, на которых проживали десятки миллионов человек. Власть захватчиков (немцев, румын, финнов) держалась там от нескольких месяцев до трех лет, а где-то и больше.

Говоря об оккупации и ее последствиях, чаще всего имеют в виду огромный ущерб, нанесенный народному хозяйству СССР, массовое уничтожение врагом гражданского населения и его гибель от вызванного политикой захватчиков голода, разрушения социальной сферы, здравоохранения. Политику оккупантов справедливо квалифицируют как геноцид. Моральным аспектам оккупации уделяется порой недостаточно внимания. А они влияли на социальную сферу, на жизнь отдельного человека и населения в целом, на мероприятия властей и ход восстановительных работ. О психологическом состоянии людей, переживших оккупацию, уже говорилось¹. Здесь же речь пойдет о некоторых моральных последствиях пребывания под оккупацией и о том, как они отразились на состоянии общества.

Изучение социально-этических последствий оккупации по ряду причин является непростым и предполагает наличие репрезентативных источников. Помимо прочих, большим подспорьем здесь могут служить документы Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, хранящиеся в Научном архиве Института российской истории РАН. Они являют собой стенограммы бесед с военнослужащими и гражданскими лицами, представителями разных

¹ *Марчуков А. В.* Радость, страх, вина, обида: психологическое состояние населения оккупированных территорий СССР во время и после оккупации (на примере юго-востока УССР, 1941–1945) // Труды Института российской истории РАН. В печати.

социальных и профессиональных групп: рабочими, инженерами, управленцами, интеллигенцией, сотрудниками органов власти (советских и даже оккупационных), партизанами и подпольщиками, людьми, пережившими оккупацию и приехавшими на освобожденные территории для восстановления хозяйства и налаживания мирной жизни. Эти интервью были взяты сотрудниками Комиссии в конце 1943 – первой половине 1944 гг. Из них можно составить впечатление о том, как люди воспринимали происходящее, что отмечали в первую очередь, что им бросалось в глаза. На основе субъективного и эмоционального восприятия происходящего конкретными людьми можно определить то главное, что отложилось в сознании и подсознании современников², и выйти обобщающий уровень.

В оккупации оказались разные регионы СССР, население которых порой заметно различалось в культурном и мировоззренческом плане, что отражалось на их восприятии происходящего. Ниже рассматривается реакция и социальное поведение населения южных и восточных областей Украинской ССР – экономически и стратегически важного, густонаселенного полиэтнического региона страны, являющего собой неотъемлемую часть русского культурно-исторического пространства.

Изменения, произошедшие за месяцы и годы немецкой и румынской оккупации, оказались настолько заметны, что не только бросались в глаза приезжавшим из тыловых районов представителям власти, хозяйственным работникам и т. д., но отмечались и самими жителями этих территорий, имевшими возможность сравнивать жизнь до оккупации, во время нее и после.

Самые яркие впечатления получали возвращающиеся из эвакуации люди (в том числе уроженцы данных мест). Имевшийся у них образ войны был сформирован государственной пропагандой и личным опытом: жизнью страны, напрягавшей все силы для разгрома захватчиков, голодавшей и холодавшей, жившей сводками с фронта и содрогавшейся от примеров чинимых врагом зверств. А вот для тех, кто оставался на оккупированной территории, все выглядело немного иначе. Зачастую оно было еще страшнее, чем об этом говорилось. Оккупация несла унижение, страх, смерть. Но можно было и выжить, причем даже не идя на сделку с совестью и не вставая на путь предательства.

² Сенявская Е. С. История войн России XX века в человеческом измерении. Проблемы военно-исторической антропологии и психологии. М., 2012. С. 38, 43, 56, 57.

Захватчики вели себя по-разному, и с ними приходилось жить долгое время бок о бок. Оттого в восприятии жителями оккупированных территорий войны имелись и нюансы.

И когда эти два насильно оторванных войной друг от друга мира вновь соединились, у приезжих порой возникало чувство диссонанса между увиденным и тем, как это, по их представлению, должно было быть. Все отличия от привычной им довоенной жизни и той жизни, которой во время войны жила страна, бросались в глаза. Так, назначенный председателем Мелитопольского горисполкома В. К. Филипповский, до войны живший и работавший в этом городе, по возвращении в Мелитополь признавался: «Я ожидал другое увидеть, получилось наоборот»³. О негативных явлениях в газетах и по радио не говорили. Но на уровне личного восприятия все было сложнее.

Необходимо подчеркнуть, что в глаза зачастую бросались именно негативные моменты. На хорошем нередко не акцентировали внимания, ведь оно воспринималось как должное, как норма. Поэтому многочисленные примеры преданности, верности, добросовестного труда, честности и порядочности, которую демонстрировали миллионы людей, переживших оккупацию, – мужчин и женщин, взрослых и детей, – как бы ускользали. О них говорили – но чаще как раз те, кто сам находился в оккупации и лично наблюдал, как по-разному могут вести себя люди в сложной ситуации. Рассказывали, как в меру возможностей сопротивлялись врагу, как старались помочь военнопленным и сохранить связь с Родиной, как радовались освобождению и прилагали все силы для скорейшего восстановления разрушенной жизни. А ведь именно это, а не отрицательные явления, и определяло морально-нравственное состояние населения освобожденных территорий.

Линия фронта поделила страну на две части, оказавшиеся в совершенно разных условиях. По одну сторону была независимость, советская власть, прежние устои жизни, только более строгие в условиях военного времени. По другую – режим, установленный оккупантами, с прямо противоположным отношением к этой земле, людям, социальным отношениям, культуре и нравственности. Иное бытие не могло не отразиться на сознании, социальных отношениях, поведении, морали.

³ Научный архив Института российской истории РАН (далее – НА ИРИ РАН). Ф. 2. Р. VI. Оп. 11. Д. 2. Л. 4 об.

Преступность и правонарушения

Одним из маркеров социальной ситуации в обществе и состояния морали является уровень преступности. В годы войны он заметно вырос. Борьбу с различными правонарушениями и уголовными преступлениями советские правоохранительные органы вели и в тылу, где уровень преступности тоже вырос. Но здесь, на ранее оккупированных территориях, они стали не просто следствием военного лихолетья, но и результатом политики оккупационных властей. Выжить, приспособиться к новым обстоятельствам – такой императив определял поведение людей. А он мог пониматься и выражаться по-разному: от самых высоких проявлений преданности, взаимопомощи и самопожертвования до самых низменных, подлых и преступных. Многие люди, пережившие оккупацию, были поражены масштабами предательства, поразившего общество.

Спутником военного времени, тем более на территориях, где сменялась власть и шли боевые действия, становился рост тяжких преступлений: убийств, грабежей, а также краж и мародерства. На руках оказалось много оружия, жизнь человеческая сильно «подешевела», проснулись подавляемые до этого чувства и склонности. Увеличилось количество антисоциального элемента: дезертиров, полицаяев и карателей, не сумевших уйти с немцами или оставленных ими нарочно, диверсантов, которые притягивали к себе уголовный элемент и сливались с ним. Но помимо бандитизма и уголовщины были и другие противоправные последствия войны и оккупации.

Взятничество

Первое, что обращало на себя внимание и приезжих, и местных, – это огромный рост взятничества. Он стал следствием оккупационной действительности и за проведенные в оккупации месяцы и годы превратился в привычное явление. «Немцы в свою бытность внедрили взятничество, – отмечал в конце февраля 1944 года прокурор Центрального района Сталино (впоследствии Донецк) Н. А. Фирябов. – Это развито очень сильно»⁴.

Одной из главных целей Германии и ее союзников являлось ограбление захваченных территорий и их экономическая эксплуатация. По признанию и тех, кто пережил оккупацию, и даже самих немцев, качество немецкого чиновного аппарата было низким (не

4 Там же. Оп. 12. Д. 8. Л. 1.

говоря уже о румынском). На эту работу из Рейха приезжали далеко не самые квалифицированные и высоконравственные люди. Они «все тупейший и отвратительнейший народ... Их и фронтовики презирали», – говорил об этих кадрах заведующий кафедрой Сталинского медицинского института А. В. Войнар⁵. Жажда наживы, алчность, моральная нечистоплотность стали чертой оккупационной администрации. Все это укладывалось в общее отношение захватчиков к местному населению и подогревалось нацистскими идеями о культурной и расовой неполноценности завоеванного населения, которое должно или исчезнуть, или прислуживать немецким хозяевам.

«Немцы большие хабарники (взяточники)», – говорил о представителях «высшей расы» Г. Н. Шатунов, в период оккупации работавший секретарем городской управы Мелитополя⁶. Так вели себя представители немецкой власти не только в городах, но и в сельской местности, в частности немецкие начальники сельхозпредприятий и машинно-тракторных станций, зондерфюреры. Так, в Макеевском районе за взятку они готовы были записывать хозяйствам меньшие размеры запашки, в этом случае крестьяне сдавали бы меньше зерна для отправки в Германию⁷.

Подлинным «царством взяточничества» стала румынская оккупационная зона. Оказавшиеся под румынским правлением советские граждане были потрясены распространением среди румын мздоимства. «У них все построено на взяточничестве», – говорил оперный певец Н. А. Дейнар. – Брали взятки от солдата до большого офицера»⁸. «Я не знаю и не слышал ни про одного румынского полицейского или жандармского офицера или солдата, которые бы не брали взятки в той или иной форме. Брали вещами, деньгами, у женщин – натурой», – говорил о нравах румын адвокат, юри-консульт Одесского облисполкома Я. Б. Бродский. В военном суде и прокуратуре тоже «широко практиковалось взяточничество. Лица, не бравшие взятки, были исключением»⁹. «У румын все зиждется на взятках», причем берут и дают их они «очень наглядно и очень откровенно», рассказывал о царивших на румынской железной дороге

5 Там же. Д. 12. Л. 4.

6 Там же. Оп. 11. Д. 10. Л. 3 об.

7 Там же. Оп. 12. Д. 26. Л. 2 об., 3.

8 Там же. Оп. 14. Д. 1. Л. 6.

9 Там же. Д. 7. Л. 3, 3 об.

нравах Э. М. Кириллов, отмечая, кстати, что «у немцев это не наблюдалось» (правда, и немцев в Одессе было не так много, и управляли городом они недолго)¹⁰. Взяточничество процветало во всех сферах, где присутствовали румыны¹¹.

Не отставали от немцев и румын и местные жители – сотрудники управ и прочих вспомогательных органов власти, полиции, хозяйственных организаций, а вслед за ними и простые люди. Влияние было взаимным: местные смотрели на поведение новых «хозяев», а те не пресекали и даже поощряли мздоимство местных. Причем наделенные властью взяточники не только выступали пассивным объектом, но и сами склоняли людей к даче взяток¹². «Взятки процветали везде и всюду. За взятку можно было купить все что угодно», – рассказывал о жизни в оккупированном Донбассе заместитель начальника доменного цеха Сталинского металлургического завода П. П. Гладкоскок¹³.

Взятка стала чуть ли не нормой взаимоотношений между людьми и властью. Однако в условиях оккупации она оказывалась не только преступлением или некрасивым с точки зрения морали поступком, но и средством выживания и взаимопомощи. При нехватке продуктов, лекарств, низких зарплатах, а у многих и отсутствии официального заработка взятка помогала получить необходимое и выжить. Без взятки полицейскому или официальному лицу можно было потерять возможность торговать на базаре, лишиться тележки или санок, с которыми горожане отправлялись в деревни на «менку» – обмен вещей и промышленных товаров на продукты, или самих продуктов и товаров. А «менками» занимались тысячи людей. Жители Донбасса, к примеру, отправлялись в села Запорожской, Днепропетровской, Харьковской областей, порой по дорогам тянулись целые караваны из сотен таких санок и тележек. «Менки» становились подчас единственным средством существования многих семей.

Сложившаяся система взаимоотношений между населением и представителями власти (местной и немецко-румынской), между людьми, между организациями привела к тому, что часто многие вопросы можно было решить неформально, в обход действовавших приказов и распоряжений, за деньги, продукты, вещи, натуру. За взятку можно было получить нужную справку или откупиться от угона

10 Там же. Д. 21. Л. 2, 2 об.

11 Там же. Л. 2; Д. 13. Л. 1 об.–2; Д. 16. Л. 4 об.; Д. 23. Л. 2 об.

12 Там же. Оп. 12. Д. 8. Л. 1.

13 Там же. Д. 5. Л. 2 об.

на работы в Германию и от общественных работ (например, строительства немецких оборонительных сооружений и аэродромов). Взятки помогали спасти жизнь, откупившись от ареста и тюрьмы. Так, для освобождения из-под стражи участницы краснодонской «Молодой гвардии» С. И. Иванцовой требовалось собрать 350–400 рублей и передать их полицейским¹⁴. А приговоренному к расстрелу подпольщику И. С. Крючкову переводчик отдела полевой полиции в Алмазной (тоже в Донбассе) помог устроить побег за три литра самогона и 50 яиц¹⁵. Особенно часто такие «услуги» предоставляли румыны.

Дав взятку, можно было избежать наказания за саботаж и плохую работу. «Спасало то, что как в порту, так и в других учреждениях процветало взяточничество», – объяснял ситуацию комендант здания управления Одесского порта Н. Н. Вихров¹⁶. «Кажется, единственным спасением был подкуп» наделенного какой-либо властью лица, вторила ему терапевт поликлиники № 2 города Сталино С. П. Нериявская¹⁷. «Благодарности» помогали спасти военнопленных, которых за взятку охране лагеря или начальству можно было подкормить или выкупить из плена, справить им поддельные или вполне настоящие документы. То же относилось и к спасению евреев. Имелись случаи, когда выкупом или выдачей таких документов занимались подпольщики – сами или прибегая к помощи других людей¹⁸. Так взятка становилась формой сопротивления оккупантам.

Не только сотрудники управ, контор и полицейские занимались таким «общественно-полезным» взяточничеством. Выдачей «липовых» справок о нетрудоспособности или о занятости человека на какой-либо работе занимались врачи и прочие медицинские работники¹⁹. Порой это делалось с целью спасти человека, порой с целью заработка. Тогда стоимость нужной справки (например, от угона в Германию) могла стоить дорого. На цену влияли и обстоятельства, прежде всего риск. Упоминалось, что в Мелитополе за нужную справку брали до 30 тысяч²⁰.

14 «Молодая гвардия» (г. Краснодон) – художественный образ и историческая реальность. Сборник документов и материалов. М., 2003. С. 321.

15 НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. VI. Оп. 12. Д. 35. Л. 8, 9.

16 Там же. Оп. 14. Д. 12. Л. 1.

17 Там же. Оп. 12. Д. 16. Л. 1 об.

18 Там же. Оп. 11. Д. 10. Л. 4, 4 об.; Д. 11. Л. 9 об.

19 Там же. Оп. 12. Д. 16. Л. 1 об., 2.

20 Там же. Оп. 11. Д. 9. Л. 3 об., 4.

Взятка становилась повседневностью, а зачастую и спасением. При оккупации это позволяло худо-бедно существовать, а часто и сохранить жизнь. После освобождения инерция сознания сохранилась, и налаженную систему взаимоотношений некоторые попытались было продолжить и в новых условиях. Но теперь взятка становилась тормозом восстановления народного хозяйства, средством разложения правовой системы и морали, дискредитации государства. Она вновь рассматривалась как аморальный поступок и квалифицировалась как уголовное преступление.

Николай Фирябов приводил несколько характерных случаев попытки «отблагодарить» его самого и других представителей власти за «нужное» решение вопроса. Например, за хищение и спекуляцию был арестован заведующий магазином Конишук и его подельники, среди которых «невзрачная» на вид женщина. Ее мать просила освободить дочь под подписку о невыезде. И прокурор пошел ей навстречу. «Она моментально лезет под пальто и достает жмут, сверток какой-то и бух мне на стол», — рассказывал Фирябов. Он вызвал следователя и помощника, сверток вскрыли, и там оказалось две тысячи рублей. Реакция была предсказуема: дочь под подписку не выпустили, а ее мать, пытавшуюся «отблагодарить» начальников, арестовали. Подобных примеров было немало. И не все представители власти и правоохранительных органов, не говоря уже о работниках коммунальной сферы, снабжения и торговли, оказывались честными и щепетильными в этом вопросе.

Взятничество в СССР было распространено, несмотря на заверения советской власти, что она покончит с этим «пережитком прошлого». С середины войны обозначился рост этого явления, так что в первые послевоенные годы даже прошла кампания по борьбе со взятничеством²¹. Однако тот разгул мздоимства, который обнаружился на освобожденных территориях и о котором говорили пережившие оккупацию, был настолько велик, что не мог остаться незамеченным даже на «привычном» фоне. «Меня поражает, почему люди так смело действуют, — удивлялся Фирябов. — Или так уже привыкли, или думают, что русские брали тогда взятки, эти тоже русские, наверное, и они берут взятки»²². По-видимому, положение дел на освобожденных территориях стало одной из причин, заставивших правоохранительные органы и власти обратить внимание на это явление и усилить борьбу с ним.

21 Хайнцен Дж. Искусство взятки. Коррупция при Сталине. 1943–1953. М., 2021. С. 132, 134, 143, 156, 159.

22 НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. VI. Оп. 12. Д. 8. Л. 1.

Подделка документов

Рука об руку со взятничеством шла подделка документов, особенно различных справок, которая приобрела размах при немцах и румынах. Тогда фальшивые паспорта, справки с биржи труда, как и настоящие, но добытые в обход закона и за деньги документы, помогали обрести свободу и спастись сотням человек. Получение таких справок и документов становилось одной из важнейших задач подпольщиков (например, мелитопольских)²³. Зачастую это доходное дело находилось в руках уголовного элемента, промышлявшего изготовлением фальшивых документов и до войны. По словам одесской подпольщицы А. К. Татариновой, «многие справки покупали», в том числе через воришек²⁴.

Продолжилась эта практика и после возвращения советской власти. Запрос на фальшивые или «нужные» документы был. Их стремились добыть те, кто сотрудничал с оккупантами, но не успел с ними уйти. Подделывали офицерские и солдатские документы, которыми пользовались преступники и дезертиры, выдававшие себя за военнослужащих, а также немецкая агентура.

Но чаще всего действовала сила обретенной привычки. Если раньше подделывали или покупали справки, чтобы не быть угнанным в Германию, то теперь это делали, чтобы уклониться от мобилизации на общественные работы по расчистке и восстановлению городов и промышленных объектов. А также на производство и добычу ископаемых. Так, только на начало 1944 года на восстановление угольной промышленности Донбасса было направлено свыше 143 тысяч юношей и девушек из освобожденных к тому времени областей УССР²⁵. «Все пугаются работы в Донбассе, хотя есть сведения, что сейчас там не так плохо, как говорят», — описывал распространенные страхи (в данном случае жителей города Лебедин Сумской области) директор местного музея Б. К. Руднев²⁶. И некоторые вставали на путь подлога. К примеру, жена одного из работников стройконторы комбината Сталинуголь Левинская выправила через родню справку о том,

23 Там же. Оп. 11. Д. 4. Л. 3 об., 4.

24 Там же. Оп. 14. Д. 34. Л. 2 об.

25 Чернега П. М. Підготовка робітничих кадрів у промисловості України в роки Другої Світової війни // Сторінки воєнної історії України. Збірник наукових статей. Київ, 2005. Вип. 9. Ч. 3. С. 172.

26 Руднев Б. К. Дневник оккупации: г. Лебедин Сумской области. Харьков, 2011. С. 66.

что работает в пошивочной мастерской, и еще одну такую же – уже от заведующей этой мастерской. Обман раскрылся, и все три женщины были осуждены к лишению свободы. Мужчин, уличенных в подделке документов, чаще судили с отправкой на фронт.

В поле зрения оказывались и медики. Так, в Сталино было осуждено трое врачей. Они выдали освобождения от мобилизации на производство 83 желающим (стоимость справки доходила до двух тысяч рублей). Получив сведения об этом (что характерно, от населения) и взяв одного из врачей с поличным, власти организовали новую медкомиссию. Из этих 83 человек негодными были признаны всего 28, тогда как остальные 55 оказались здоровыми и пригодными к труду на производстве²⁷.

Спекуляция и собственность

Большой проблемой стала спекуляция. Представители советской власти прекрасно понимали, что при немцах и румынах этим промыслом занимались десятки тысяч человек, и прожить они смогли, только покупая и перепродавая. «Ездили в деревню менять. Жили, как по этому времени называют, спекуляцией, потому что привезешь, продашь, чтобы другой раз поехать, а так менять ничего не было, – объяснял ситуацию обермастер доменного цеха завода имени Сталина Д. А. Пысев. – На базаре купишь кое-что, выменяешь, так и переворачивались»²⁸. Крутились, нередко переступая через себя. «Все нужно было доставать через всяких спекулянтов», – рассказывал профессор А. Войнар. Ученые превращались в «базарных торговков», спекулянтов, и это плохо отражалось на психологическом состоянии и самооценке многих людей, особенно представителей интеллигенции²⁹.

«Мы сейчас не препятствуем торговле, но препятствуем спекуляции», – пояснял Н. Фирябов. Ведь «люди исключительно живут тем, что купят, перепродают». Особенно было «неудобно наказывать» жен и членов семей военнослужащих. Их предупреждали, но к уголовной ответственности не привлекали. Разумеется, на злостных спекулянтов, которые нигде не работали, но у которых при обысках находили десятки тысяч рублей и большое количество разнообразных товаров, это не распространялось³⁰.

27 НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. VI. Оп. 12. Д. 8. Л. 2–2 об.

28 Там же. Оп. 12. Д. 5. Л. 10 об.

29 Там же. Д. 12. Л. 2 об.

30 Там же. Л. 2.

Всплыл и квартирный вопрос. За время оккупации часть горожан сменила квартиры. Немцы выселяли людей из их жилья, забирая его под свои нужды или предоставляя его тем, кого считали своей опорой (например, советским гражданам немецкой национальности). Но бывало, что выселяемым они предоставляли и жилье получше. А ушлые люди и самостоятельно занимали хорошие пустующие квартиры, принадлежавшие тем, кто уехал в эвакуацию, был арестован или уничтожен немцами (например, евреям)³¹. Когда владельцы жилья стали возвращаться из эвакуации, начались споры и суды за жилплощадь. Государство вставало на сторону прежних владельцев, что не могло понравиться новым собственникам. Эвакуированные обвиняли тех, кто жил в оккупации, в предательстве, те, в свою очередь, обвиняли приезжающих в том, что они отсиживались в тылу и не представляют, каково было под оккупантами. В том случае, если вернувшиеся оказывались евреями, споры за жилплощадь приводили к росту антисемитизма. «Отношение к евреям у населения нехорошее», – свидетельствовал в этой связи прокурор Центрального района Сталино³².

Приходилось разбираться и с имуществом, главным образом государственным и общественным (отыскать личное было труднее), которое растаскивали люди в тот короткий промежуток безвластия, когда Красная армия и советская власть оставляли населенный пункт, а немцы еще туда не вступали. Это было массовым явлением, прокатившимся по всем занимаемым врагом местностям. Тащили всё: товары из магазинов и складов (особенно там, где власти не выдавали запасы), имущество и оборудование промышленных и сельскохозяйственных объектов, учреждений, больниц и поликлиник, школ, музеев. Подчас первыми, кто приступал к растаскиванию, были сами сотрудники этих учреждений, больниц или учащиеся учебных заведений. Основным контингентом мародеров и расхитителей оказались уголовники, деклассированные элементы, а также женщины и подростки, причем последние таскали, громили и портили еще и из озорства и шалости³³.

«На моих глазах разбивали аптеку и магазины и грабили, грабили всё, – вспоминал тяжелые дни начала октября 1941 г. завуч, а потом

31 Там же. Л. 2 об., 3 об.; *Власов К. П.* Война глазами харьковского подростка. Харьков, 2015. С. 12, 13.

32 Там же. Л. 2 об., 3 об.

33 Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 228. Оп. 747. Д. 3. Л. 186, 248; Д. 7. Л. 369; НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. VI. Оп. 12. Д. 12. Л. 1, 1 об.; Д. 14. Л. 1.

директор одной из мелитопольских школ Н. А. Дрюцкий. – Всякого, кто осмеливался протестовать, избивали». Многие, оправдываясь, заявляли, что «это за нашу копейку приобретено»³⁴. «Распоясались во всю силу первобытные инстинкты, и никто их не сдерживал», – отзывался о пережитом заведующий кафедрой Сталинского индустриального института В. А. Поляков³⁵. Этот «повальный грабеж» для некоторых оказался неожиданным, настолько поведение мародеров контрастировало с теми принципами, на которых все предыдущие годы велось воспитание советских граждан³⁶.

Тащили даже то, что было совершенно не нужно. «Наш сосед, – вспоминал харьковчанин К. П. Власов, – зашел в полностью опустошенный магазин, чтобы хоть что-нибудь унести, притащил домой большую гипсовую статую девушки с теннисной ракеткой в руках». Эта статуя «много лет простояла у него в квартире как символ борьбы с немецкими захватчиками»³⁷. Впрочем, разграбленные продуктовые и вещевые запасы позволили многим пережить суровое время оккупации и особенно трудные осень – зиму 1941–1942 гг.

Немцы требовали вернуть разграбленное, но в первую очередь промышленное и колхозно-совхозное имущество и товары, хотя порой, как, к примеру, в Лебедине Сумской области, грабежи какое-то время продолжались и при них³⁸. Кое-где, например в Мелитополе, немцы фотографировали сцены мародерства – для иллюстрации «дикости» и «варварства» местного населения³⁹. Но многое награбленное, особенно личное имущество, осталось у новых владельцев. Такой массовый психоз тоже оказал влияние на эрзю морального состояния какой-то части населения.

Отношение к труду

Рост преступности и иных правонарушений во многом явился следствием состояния общества, пережившего пребывание в оккупации. А именно усилившейся разболтанности и распушенности, что фиксировали приезжие и местные жители. Ослабление дисциплины имело важные в условиях войны последствия, отразившись на отношении некоторой части населения к труду.

34 НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. VI. Оп. 11. Д. 9. Л. 1 об.

35 Там же. Оп. 12. Д. 14. Л. 1.

36 Там же. Д. 13. Л. 1, 1 об.

37 Власов К.П. Война глазами харьковского подростка. С. 20.

38 Руднев Б. К. Дневник оккупации. С. 7, 8, 10, 11.

39 НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. VI. Оп. 11. Д. 9. Л. 1 об.

Всю войну СССР испытывал дефицит рабочей силы, особенно квалифицированных кадров. Так было в тылу, так случалось и на освобожденных территориях⁴⁰. Часть тружеников находилась в эвакуации и еще не вернулась или не могла вернуться, задействованная на новом месте работы. Другие погибли, третьи были на фронте или призывались в армию, некоторые были увезены немцами или, запуганные, ушли с ними. В Одессе, к примеру, летом 1944 года в наличии имелось лишь примерно 20 % квалифицированных трудовых кадров от довоенного уровня. Поэтому для расчистки и восстановления коммунального хозяйства и промышленных объектов и проводились трудовые мобилизации.

Мужчин, как правило, направляли на более важные объекты – предприятия угольной и металлургической промышленности, а на «менее важные» набирали подростков, женщин-домохозяек, многие из которых на производстве никогда не работали, и старых рабочих-пенсионеров. Привлекали и пленных, но те рвения не выказывали и старались скрыть свою профессию. По словам заведующего отделом машиностроительной промышленности Одесского обкома партии Н. Ф. Чернявского, мобилизации нужного эффекта не давали: кто-то из новичков осваивался быстро, но большей части овладеть непростой профессией было трудно, а женщин отвлекали семейные дела⁴¹.

Это были объективные трудности, такое было и в тылу. Но на освобожденных от врага территориях имелись и особенности, доставшиеся от оккупации. Когда одни трудились на расчистке городского хозяйства и заводов, восстанавливали и ремонтировали разрушенные здания, старались овладеть рабочей специальностью, другие предпочитали откупиться. И находили тех, кто готов был пойти навстречу и за взятку выдать справку-освобождение от работ. Так, некоторые врачи Смоляниновской больницы г. Сталино за деньги и продукты давали освобождения от работ по восстановлению больницы⁴². Прибывшие из эвакуации работники отмечали разболтанность людей, желание некоторых увильнуть от работы, что отличалось от того, с чем им приходилось иметь дело в тылу и как это было до оккупации. Уклоняющихся и дезертирующих с трудового

40 Великая Отечественная война 1944–1945 годов. М., 2013. Т. 7. Экономика и оружие войны. С. 191, 203, 204, 205.

41 НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. VI. Оп. 14. Д. 42. Л. 4, 4 об.

42 Там же. Р. V. Оп. 18. Д. 1. Л. 6.

фронта судили (в основном, на год исправительно-трудовых работ), при повторном случае наступала уголовная ответственность⁴³.

Проводившаяся немцами политика деиндустриализации, экономического грабежа и принуждения к труду при помощи физического насилия (избиений, в том числе палками), штрафов и иных наказаний на тех предприятиях, которые им были нужны, порождали среди работников саботаж, симулирование работы и большую текучку. «Из рабочих никто не хотел работать, – рассказывал заместитель начальника доменного цеха Сталинского металлургического завода Гладкоскок, – все старались собраться где-нибудь кучкой в стороне, чтобы не работать»⁴⁴.

Чтобы не оказаться подвергнутыми наказанию, делали вид, что работают, пока немецкие начальники или верные им люди присутствовали в цехах, ставили «часовых», предупреждавших о появлении немцев и их прислужников. И работали спустя рукава или «на сторону», делая на продажу зажигалки, ведра и прочие кустарные вещи. Прогуливали, откупались или пользовались тем, что многие начальники (русские) смотрели на все это сквозь пальцы⁴⁵. «Каждый отбывал работу в виде наказания», – отзывался о труде на немцев и румын комендант здания управления Одесского порта Н. Н. Вихров. Создавали видимость для начальства, дополнял его главный механик Одесского судоремонтного завода А. С. Юрков⁴⁶. Результатом становилось падение качества производства, производительности труда и трудовой дисциплины.

Границу между «волынкой», расхлябанностью и сознательным саботажем провести было порой нелегко. Так, не желая помогать врагу, вывозившему зерно и прочие товары, грузчики и рабочие одесского порта трудились нарочито медленно, часто устраивали перекуры, перерывы, за полдня выполняли работу, на которую раньше тратили час-два, а после обеда могли и вовсе уйти, «договорившись» с румынской охраной⁴⁷. На занятых немцами территориях дело обстояло строже, но и там общей чертой было отлынивание от работы. «Народ не хотел ничего делать, – говорил А. Войнар. – По-настоящему работала только горстка предателей, а обычные рядовые обыватели

43 Великая Отечественная война 1944–1945 годов. Т. 7. С. 205.

44 НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. VI. Оп. 12. Д. 5. Л. 2 об.

45 Там же. Д. 3. Л. 2 об.; Д. 5. Л. 18 об., 23 об.

46 Там же. Оп. 14. Д. 12. Л. 1; Д. 10. Л. 6 об.

47 Там же. Д. 12. Л. 4 об.; Д. 10. Л. 3, 3 об.; Д. 31. Л. 7, 8.

работали постольку поскольку, лишь бы отбыть. Интересы к работе не было и не могло быть. У рядовых работников было тупое чувство покорности, лишь бы прожить»⁴⁸.

Теперь же, после освобождения, это дало неожиданный, хоть и логичный эффект: люди выбились из трудового ритма. И быстро перестроиться на прежний лад было непросто. «Немцы... очень сильно повлияли на то, что не обязательно всем работать, очень много внесли лени», – указывал на причину такого отношения к труду председатель Сталинского горисполкома Ф. В. Старовойтов. Многие «привыкли два года по существу не работать, а торговать, менять, спекулировать, а теперь надо идти в шахту или на завод». И в результате «вместо того, чтобы пойти сейчас же на работу, мы вынуждены были прибегать к мобилизации, причем в административном порядке. Мы с большим трудом привлекали население трудоспособное к работе в промышленности, – жаловался он. – Многие просто разучились работать. Бывало, люди говорили: “Немцы заставляли, и вы заставляете работать”». Согласны с ним были и другие работники⁴⁹.

«В городе считалось хорошо, если... не работают на немцев, и привыкли не работать, разленились», – считал заместитель председателя Сталинского облисполкома по сельскому хозяйству В. З. Гордиенко. Крестьяне тоже не все горели желанием работать (хотя были и те, кто верил немецкой пропаганде о наделении крестьян землей и инвентарем), но в деревне уклониться от работ было труднее⁵⁰, а сельскохозяйственные товары немцам были нужнее, чем промышленные, оттого и спрос строже.

Не только лень была тому виной – не все могли сразу включиться в тот суровый темп, которым жила страна (и сами они до оккупации). «Нужно сказать, что период оккупации бесследно не прошел, – делился своими ощущениями ассистент кафедры Сталинского индустриального института Ф. И. Билак, – все-таки люди чувствуют себя неорганизованно, отвыкли от организованности»⁵¹. Они сами это понимали и стремились наверстать упущенное.

Следствием всего этого стала потеря квалификации. Коснулась она тех, кого в большей степени затронула социальная политика немецких оккупантов, – не только рабочих, чьи предприятия

48 Там же. Д. 12. Л. 4.

49 Там же. Р. V. Оп. 18. Д. 1. Л. 5 об.; Д. 5. Л. 6.

50 Там же. Р. VI. Оп. 12. Д. 25. Л. 3.

51 Там же. Оп. 11. Д. 10. Л. 3; Оп. 12. Д. 9. Л. 9 об.

простаивали или работа на них еле теплилась, но и учителей и научной интеллигенции, из-за закрытия учебных заведений вынужденных торговать или подстраиваться под установленные немцами куцые «образовательные стандарты».

Имелись и другие следствия моральной разболтанности и падения трудовой дисциплины – обман, приписки, расхитительство. Например, при немцах на шахтах разбазаривался уголь. Воровством угля занимались не только работники предприятий и население, но и местные начальники и сами немцы (как на шахте имени Димитрова, о чем поведал заместитель ее начальника, а во время оккупации – партизан П. И. Белоцерковский)⁵². В тех условиях такое поведение было даже оправданно. Уголь разбирали для своих нужд, им торговали, обменивали на продукты и т. д. – выживали и лишали угля немцев (тем даже приходилось завозить на Донбасс уголь из Европы). Для сокрытия убыли использовались различные уловки и приписки. По словам заведующего шахтой № 5/6 имени Димитрова Н. И. Григоренко, «сами немцы настраивали на эту систему», занимались этим и отдельные руководители шахт. А если ворует начальство, то заниматься тем же принимаются и подчиненные⁵³.

В одесском порту царил принцип: «растаскивай, воруй, прячь и наживайся», отмечалось в докладной записке инженера Ткачевича от 12 апреля 1944 г. И не только среди румын, «было распространено хищение и среди русских рабочих»⁵⁴. Румыны, сами большие воры, занимавшиеся этим почти открыто, разрешали воровать и другим. «За это румыны никогда не ругали, – рассказывал зоотехник Одесского областного земельного управления С. П. Шох. – Только не попадайся. Попадешься, побьют, но тоже больше ничего не будет»⁵⁵.

Такая тенденция – подворовывать, заниматься приписками, в том числе чтобы скрыть недостачу, – имела и после изгнания оккупантов, когда началось восстановление хозяйства. Потребовалось принимать разные меры – экономического, дисциплинарного и иного свойства, чтобы эту практику пресечь или привести к довоенному уровню⁵⁶.

52 Там же. Оп. 12. Д. 24. Л. 1 об.

53 Там же. Р. V. Оп. 18. Д. 6а. Л. 4 об.

54 Там же. Р. VI. Оп. 14. Д. 31. Л. 4 об., 7, 8.

55 Там же. Д. 24. Л. 3 об.

56 Там же. Р. V. Оп. 18. Д. 6а. Л. 4 об.

Семейные и сексуальные отношения

Оккупация, политика захватчиков и стремление выжить вели к ослаблению моральных запретов и норм. И если одних людей трудные условия закаляли и укрепляли в лучших качествах, то других – наоборот. Ослабление дисциплины и морально-нравственных устоев затронуло не только правовую культуру и трудовые отношения. Выражалось оно и в виде выросшей по сравнению с довоенным временем половой распущенности. Захватчики вели себя по отношению к местному населению как хозяева, стремясь удовлетворять за его счет любые свои потребности. А политика расчеловечивания попавшего под их власть населения и примитивизации уровня их развития и потребностей не могла не затронуть и сферу половых отношений

Не только прямое сексуальное насилие, но и сознательно насаждаемый или возникающий вследствие всего происходящего разврат порождали «свободу нравов», которая не обошла некоторую часть женщин и девушек. Одной из самых характерных черт этого, по мнению большинства людей, было сожительство с оккупантами⁵⁷. Так, председателя мелитопольского горисполкома В. К. Филипповского неприятно поразило то, что в его родном городе и прилегающих местностях нашлись женщины, соживавшие с немцами, получавшие от них подарки, ездившие с ними на море на пляж (многие труженики советского тыла не могли мечтать не то что о курортах, но даже об отпусках), а потом уехавшие с ними. Оказались среди таких женщин и жены коммунистов⁵⁸. Не только женщины, но и не вся молодежь, по его мнению, выдержала проверку войной.

«Свобода нравов» оборачивалась ростом венерических заболеваний, нежелательных беременностей и аборт. Все это соответствовало планам оккупантов по моральному и физическому разложению советских людей, и в первую очередь русских. Профессор медицины А. И. Чаругин, возглавлявший при немцах отдел здравоохранения Юзовской городской управы, описывал «отстраненность» захватчиков: «Немцы говорили: делайте так, как считаете нужным. Делали аборт, кто хотел, и сестры, и санитарки. Приходилось уже вмешиваться, чтобы аборт делался по медпоказаниям»⁵⁹. А еще насаждаемая «свобода

57 Марчуков А. В. «Жизнь под немцем»: сексуальное насилие в оккупированных областях Украинской ССР (1941–1943 гг.) // Вестник Ярославского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2023. № 1. В печати.

58 НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. VI. Оп. 11. Д. 2. Л. 4 об.

59 Там же. Оп. 12. Д. 13. Л. 4 об.

нравов» приводила к социальным (прижитые от немцев и румын дети, увеличение случаев оставления детей) и семейным проблемам.

Война вообще и пребывание в оккупации отразились и на состоянии семейных отношений, семьи распались, выросло количество разводов. Люди вели себя в условиях оккупации по-разному, порой это относилось даже к членам одной семьи. Случалось, одни родственники или члены семьи, например служившие в полиции или просто лояльные оккупационным властям, выдавали других – тех, кто был связан с партизанами и подпольщиками и был нелоялен к захватчикам. Стоит упомянуть судьбу молодогвардейца О. Кошевого, по одной из версий выданного полиции по доносу своего родственника⁶⁰. А нередко имело место сведение счетов.

После освобождения наступил черед возмездия. Вот всего один пример. В Мелитополе в органы власти обратилась дочь некоего Усачева и потребовала расстрелять своего отца за то, что он выдал немцам ее мужа-партизана. Чем закончилась эта история, наличествующие документы умалчивают, но важен сам факт. Присутствовала в этом деле и одна любопытная деталь, характеризующая партизанское движение и вообще тот выбор, который в те годы делал каждый человек. Муж этой женщины, выданный своим тестем, до революции был зажиточным человеком, а в гражданскую войну воевал в белой армии⁶¹. А вот теперь стал советским партизаном.

Проверку на прочность пришлось выдержать и семьям, один из членов которой (чаще муж) был в армии или эвакуации, а другой (чаще жена) в оккупации. Помимо общих причин, приводивших к распаду семей, где супруги оказались разделены расстоянием и условиями жизни, была и специфическая, а именно связь женщин с оккупантами. Когда их поведение становилось известно, мужья обращались в органы власти с просьбой дать развод, арестовать имущество и забрать у таких женщин общих детей⁶².

Дети и молодежь

Негативно отразилось пребывание в оккупации на молодежи и детях. Немцы ставили перед собой цель свести уровень образования покоренного населения к минимуму. Намеренное упрощение

60 «Молодая гвардия» (г. Краснодар) – художественный образ и историческая реальность. С. 26, 321.

61 НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. VI. Оп. 11. Д. 2. Л. 5 об.

62 Там же. Оп. 12. Д. 8. Л. 3.

образовательных программ (по количеству изучаемых предметов и глубине изучения) и, тем более, закрытие школ и иных учебных заведений не могло не отразиться на уровне образования и качестве знаний. Где-то дети и сами не хотели идти в «немецкую» школу. Они часто понимали происходящее лучше многих взрослых, занимая антинемецкие патриотические позиции⁶³. Румыны задачу ликвидации системы образования не ставили, делая ставку на ее румынизацию и «обоснование» присоединения к Румынии захваченных ими территорий. Но несмотря на работающие школы, лицеи и вузы, уровень образования понизился и там. Румынизация шла туго, возвеличивание румынского языка и прославление румынской армии вызывали у учащихся смех⁶⁴.

Для многих детей и молодежи проведенные в оккупации месяцы и годы стали потерянным временем. Дети оказывались предоставлены самим себе, а это вело к росту беспризорности, преступности. Дети и подростки слонялись без дела, хулиганили, а то и занимались кражами, мародерством⁶⁵ (некоторые начали это делать в момент прихода немцев, а потом не могли остановиться), появились подростковые банды. Да и кое-кого из тех, кто не встал на воровской путь, улица «разбаловала». Кто-то оказывался в рядах «транспортников», таская тележки и санки с грузом для немцев, другие становились чистильщиками и носильщиками. Причем работали они именно на иноземцев. «Если наши обращались, – рассказывал А. Чаругин, – они отказывали, говорили, что делают только для немцев». Разрушение социальных устоев, медицинского обслуживания, полуголодное существование, жизнь на улице и военные условия вели к росту детского травматизма, заболеваемости, смертности, становились дети и жертвами немецкой политики геноцида⁶⁶.

Деградация системы образования, общая расхлябанность, отсутствие работы и стимула к труду, крайне примитивная, но настойчивая идеологическая обработка и насаждаемые оккупантами убогие смыслы и потребности, которыми должно было жить население оккупированных областей, не могли не сказаться на сознании людей. В том, что детвора «разбалована», а молодежь «сильно отравлена» и «развращена» немецким влиянием, были уверены многие вернувшиеся из эвакуации. Причем женщин это затронуло в большей степени, а мужчин – в меньшей⁶⁷.

63 Там же. Оп. 11. Д. 8. Л. 5; Оп. 12. Д. 9. Л. 8 об., 9.

64 Там же. Оп. 14. Д. 13. Л. 3.

65 Там же. Оп. 12. Д. 8. Л. 2.

66 Там же. Д. 13. Л. 4, 4 об.

67 Там же. Р. V. Оп. 18. Д. 6а. Л. 11; Д. 1. Л. 6.

«Среди огромного вреда, который оккупанты причинили городу, я считаю самым большим вредом – это воздействие на молодежь», – утверждал профессор Одесского университета, историк А. Г. Гаталов. Разными способами «они развратили молодежь» и имели здесь «некоторый успех»⁶⁸. Под «моральным развращением» прежде всего имели в виду эрозию коммунистических и советских ценностей. В глаза бросались и внешние отличия, например появившиеся под влиянием немецких образцов моды, прически, частная торговля, церковная жизнь и т. п. Вот и Гаталов среди морального вреда, причиненного румынами, упоминал приобщение общества, особенно детей и молодежи, к религиозной жизни, чему те уделяли большое внимание.

Впрочем, защита и поддержание своей идеологии и системы ценностей является заботой всякого государства и общества. Так что относиться к этой встревоженности с иронией или как к чему-то неправильному неверно. Но не стоит думать, что вред этот имел только идеологический характер. Так, «молодежь сильно распустилась даже в смысле элементарной дисциплины», что мешало восстановлению учебного процесса (при румынах студенты, например, посещали занятия через пень-колоду). «Молодежь приходится перевоспитывать. Это чрезвычайно трудное дело», – говорил Гаталов⁶⁹. Что-то было легко исправимо, а прически, мода, одежда, кинофильмы, аккордеоны и прочий ширпотреб получают распространение после победного мая 1945 г. по всей стране, что-то требовалось изживать немедленно, путем усиления пропаганды и просвещения.

Довоенное советское общество не было идеальным в плане социальных отношений, правовой культуры, трудовой и бытовой дисциплины, морали. Например, проблема текучки кадров, особенно на тяжелых производствах и в горнорудной отрасли, была высокой, проблема повышения производительности и эффективности труда являлась одной из основных проблем народного хозяйства. Было распространено взяточничество, причиной чему служили как материальные условия (бедность, низкие зарплаты, дефицит), так и состояние общественной морали и правосознания (позволявшее требовать мзду за труд и услуги и не считавшее принятие и, тем более, дачу взятки

68 Там же. Р. VI. Оп. 14. Д. 20. Л. 4, 4 об.

69 Там же.

чем-то преступным и аморальным⁷⁰). Были приписки, хулиганство и многое другое, о чем говорилось выше.

Однако война и пребывание в оккупации значительно усугубили имевшиеся в советском обществе негативные явления, заострили их, придали им более широкий размах. Что не укрылось от глаз людей. Эти последствия оккупации были не столь очевидными, как гибель людей и разрушение городов и сел. Но разрушительный эффект от них для социальной системы, межличностных отношений, морального здоровья общества, государственности тоже был велик. Тем более что они имели отложенное действие, как, скажем, проблемы семьи, отношение к труду или увлечение заграничным (впрочем, последнее стало характерно скорее для более поздних периодов советской истории).

Восстановление нормальной жизни подразумевало и излечение социо-моральных последствий оккупации, что требовало дополнительных усилий – и государства, и общества, и самих людей. И сделать это было бы невозможно, если бы не настрой подавляющей части народа: жить, учиться, работать на совесть, быть честными и верными – стране, семье, людям.

Источники и литература

Научный архив Института российской истории РАН (НА ИРИ РАН).
Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации.

Великая Отечественная война 1944–1945 годов. М.: Кучково поле, 2013. Т. 7. Экономика и оружие войны. 862 с.

Власов К. П. Война глазами харьковского подростка. Харьков: Литера Нова, 2015. 116 с.

Марчуков А. В. «Жизнь под немцем»: сексуальное насилие в оккупированных областях Украинской ССР (1941–1943 гг.) // Вестник Ярославского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2023. № 1. В печати.

Марчуков А. В. Радость, страх, вина, обида: психологическое состояние населения оккупированных территорий СССР во время и после оккупации (на примере юго-востока УССР, 1941–1945) // Труды института российской истории РАН. В печати.

70 Хайнцен Дж. Искусство взятки. Коррупция при Сталине. С. 94, 95, 146, 147, 148.

«Молодая гвардия» (г. Краснодар) – художественный образ и историческая реальность. Сборник документов и материалов / сост. Н. К. Петрова, И. А. Иоффе. М.: Вече, 2003. 368 с.

Руднев Б. К. Дневник оккупации: г. Лебедин Сумской области. Харьков: Харьковский частный музей городской усадьбы, 2011. 72 с.

Сенявская Е. С. История войн России XX века в человеческом измерении. Проблемы военно-исторической антропологии и психологии. Курс лекций. М.: РГГУ, 2012. 332 с.

Хайнцен Дж. Искусство взятки. Коррупция при Сталине. 1943–1953. М.: Политическая энциклопедия, 2021. 367 с.

Чернега П. М. Підготовка робітничих кадрів у промисловості України в роки Другої Світової війни // Сторінки воєнної історії України. Збірник наукових статей. Київ: Інститут історії України, 2005. Вип. 9. Ч. 3. 395 с.

References

Cherneha, P. M. “Pidhotovka robotnychykh kadriv u promyslovosti Ukraïny v roky Druhoi Svitovoi viiny.” *Storynki voiennoi istorii Ukraïny. Zbirnyk naukovykh statei*. Kyïv: Institut istorii Ukraïny, 2005, vol. 9, part 3, 395 p.

Khaintsen, Dzh. *Iskusstvo vziatki. Korruptsiia pri Staline. 1943–1953*. Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia, 2021, 367 p.

Marchukov, A. V. “«Zhizn' pod nemtsem»: seksual'noje nasilije v okkupirovannykh oblastiakh Ukrainskoi SSR (1941–1943 gg.)” *Vestnik Iaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia Gumanitarnye nauki*, 2023, No. 1. In press.

Marchukov, A. V. “Radost', strakh, vina, obida: psikhologicheskoe sostoiianie naseleniia okkupirovannykh territorii SSSR vo vremia i posle okkupatsii (na primere iugo-vostoka USSR, 1941–1945).” *Trudy instituta rossiiskoi istorii RAN*. In press.

“*Molodaia gvardiia*” (g. Krasnodon) – khudozhestvennyi obraz i istoricheskaiia real'nost'. *Sbornik dokumentov i materialov*, comp. by N. K. Petrova, I. A. Ioffe. Moscow: Veche, 2003. 368 p.

Rudnev, B. K. *Dnevnik okkupatsii: g. Lebedin Sumskoi oblasti*. Khar'kov: Khar'kovskii chastnyi muzei gorodskoi usad'by, 2011, 72 p.

Seniavskaia, Je. S. *Istoriia voin Rossii KHKH veka v chelovecheskom izmenenii. Problemy vojenno-istoricheskoi antropologii i psikhologii. Kurs lektsii*. Moscow: RGGU, 2012, 332 p.

Velikaia Otechestvennaia voina 1944–1945 godov. Vol. 7. Ekonomika i oruzhiye voiny. Moscow: Kuchkovo pole, 2013, 862 p.

Vlasov, K. P. *Voina glazami khar'kovskogo podrostka*. Khar'kov: Litera Nova, 2015, 116 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.1.06

A. V. Marchukov

Socio-ethical consequences of the German and Romanian occupation (on the example of the southern and eastern regions of the USSR)

Andrey V. Marchukov

Candidate of History, senior researcher

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

117292, Dmitry Ulyanov str. 19, Moscow, Russian Federation

E-mail: marchukov@mail.ru

Citation

Marchukov A. V. Socio-ethical consequences of the German and Romanian occupation (on the example of the southern and eastern regions of the USSR) // Slavic almanac. 2022. No 3–4. P. 128–151 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.1.06

Received: 21.07.2022.

Abstract

The article dwells upon some social and moral consequences of the German-Romanian occupation in the Ukrainian SSR in 1941–1944. The source base are transcripts of conversations conducted by the staff of the Commission on the History of the Great Patriotic War of the Academy of Sciences of the Soviet Union with residents of Donbass, Odessa, Melitopol, etc. at the end of 1943 – the first half of 1944. These were people of different ages, professions, social groups who had survived the occupation or had come to these areas immediately after their liberation. The policy of the German and Romanian invaders and their behavior, among other things, had negatively affected the state of legal culture, crime, labor and family relations, and the moral state of society. For example, the phenomenon of bribery had grown dramatically. For some people it was a means of enrichment, while for some others it was a way to survive the inhumane conditions of the occupation. Speculation had acquired a huge scale and had sometimes been a way to survive in the conditions of the socio-economic policy pursued by the invaders. Prostitution, legalized by the occupiers, and the moral corruption and sexual promiscuity imposed by them became a negative moment. These and many other negative aspects required from the Soviet government and from the people additional efforts to overcome the socio-ethical consequences of the occupation.

Keywords

Great Patriotic War, Ukraine, occupation.